На станции Свободный

Вячеслав Леонидович Кондратьев

SHOUT
SHARE
IT

- Кондратьев Вячеслав Леонидович.

Кондратьев Вячеслав Леонидович. На станции Свободный. Рассказ

Тем моим сверстникам, которым воевать было труднее, чем остальным, но воевавшим не хуже, а может, и лучше других

— На запад, ребята? — спросил Андрей.

— Наверно… Что смотришь так? Завидуешь?

— Завидую. Мне еще год трубить здесь.

— Нечего завидовать. На западе-то неспокойно.

— Ну, если там начнется, то и тут заваруха будет.

— Это уж точно…

Эшелон тронулся. Андрей смотрел, как вначале медленно, а потом все быстрей поплыли мимо него товарные вагоны с раздвинутыми дверьми, в проеме которых стояли за деревянным брусом красноармейцы — целая воинская часть подавалась на запад.

Он постоял еще немного, провожая эшелон глазами… Ему даже не верилось, что через год с лишком отправится и он в родную и такую сейчас далекую Москву. Когда эшелон скрылся из глаз, он пошел в помещение вокзала.

— Где вы блуждаете, дорогой? Скоро наш поезд, — сказал ему Погост, сидевший на скамейке в небрежной позе, положив ногу на ногу и выставив без стеснения на всеобщее обозрение огромные уродливые армейские ботинки.

— На перроне был… Два эшелона на запад пошли. — Андрей присел рядом, но ноги свои в обмотках поджал, спрятав под скамейку.

Он-то в них чувствовал себя неловко, особенно здесь, на воле, на многолюдной станции, где нет-нет да пройдут мимо женщины, казавшиеся очень красивыми, наверно, потому, что он так давно не видел их. За девять месяцев службы он только раз был в увольнении. И сейчас его с Погостом командировка в город Свободный, возможность ехать в пассажирском поезде вместе с гражданскими людьми представлялись ему чуть ли не праздником.

Им с Погостом вообще здорово повезло. Их раньше времени выпустили из полковой школы, присвоили звания сержантов и отправили на путевую точку недалеко от одного городка. И работа предстояла не бей лежачего — дежурить на железнодорожном мосту, чтоб следить за пропуском войск при

маневрах. Курсанты завидовали им, потому что у школы впереди летние лагеря, где, как говорили старослужащие, будут давать им жару — бесконечные марши по сопкам и тактические занятия.

Андрей вытащил папиросы с длинным мандштуком, предложил Погосту. Эти папиросы присылала Андрею мать. Она набивала их сама хорошим "любительским" табаком, это обходилось много дешевле, чем в пачках.

— Волнуетесь, Андрюша?

— Нет, я вроде все хорошо знаю. А вы?

Погост засмеялся, и Андрей понял глупость своего вопроса. Чего Погосту инженеру-строителю — волноваться перед каким-то экзаменом на звание мостового мастера, который они сегодня будут сдавать в Управлении Амурской железной дороги — затем и едут в город Свободный. Для него все это — раз плюнуть, а вот для Андрея этот экзамен важен: все же специальность, тем более неизвестно, удастся ему или нет учиться в институте после армии.

Покуривая, Андрей поглядывал на демонстративно выставленный ботинок Погоста, и ему казалось, что все проходящие смотрят на этот уродливый ботинок. И он не выдержал:

— Ну чего вы выставили эту красоту?

Погост опять засмеялся.

— Вас трогают такие мелочи, юноша? Бросьте! Смотрите на все это как на забавное приключение, отбарабаним еще годик — и вернемся к своим делам. Мне до сих пор смешно: вдруг меня, начальника одного приличного КБ, вызывают повесткой в военкомат, приказывают через несколько дней прибыть с вещами, потом сажают в телятник, везут через всю страну в эту забытую богом дыру, напяливают шинель, выдают эти знаменитые ботинки с обмотками, заставляют заниматься дурацкой строевой и подчиняться нашему несравненному взводному с четырьмя классами образования. Не смешно ли? И кому это нужно? Хорошо, что это все позади и мы хоть будем при деле. Правда, пока наши дежурства на мосту настоящая припухаловка… Ну, думаю, мы заслужили ее, Андрюша, трудясь не жалея сил и в поте лица в стенах нашей знаменитой полковой школы, балуясь игрой в солдатики.

— Много эшелонов идет на запад, Погост…

— Ну и пусть, скатертью им дорога.

— Я не понимаю вас… Вы намного старше всех, а…

— Что "а"? Договаривайте. Я не обидчивый, вы это знаете. Разве я обижался на ваш дурацкий гогот, когда я мешком висел на турнике? Или когда наш отделенный тыкал меня в живот,

который я при всем желании не мог убрать или куда-то деть?

— Не обижались, верно. Я даже удивлялся.

— Я просто любовался вами, молодыми краснощекими идиотами, которые не в состоянии понять, что в человеке главное не раздутый бицепс, а нечто другое, хотя бы количество извилин вот в этом месте, — он повертел пальцем около головы. — Так что договаривайте.

Я хотел сказать, что вы как-то несерьезно ко всему относитесь. Ведь статья в "Красной звезде" "Миф о непобедимости немецкой армии" на всю полосу и эти идущие на запад эшелоны…

— Понимаю, Андрей, но я не хочу думать о войне. Меня сорвали с разработки большого проекта для того, чтобы топать на строевой, крутить обмотки при тревогах и заниматься всякой ерундой, которая мне совершенно не нужна. И вы хотите, чтоб я относился ко всему этому серьезно. Глупость страшная. В своем КБ я приносил бы гораздо больше пользы. А что касается "Красной звезды", так вспомните, совсем недавно в ней были статьи вроде "Стрелковый взвод в наступлении", подписанные — капитан фон Пауль такой-то. Помните?

— Да.

— А это что такое, по-вашему?

— Не знаю, — пожал плечами Андрей.

— Я тоже. И не будем ломать себе головы. Скоро наш поезд, — посмотрел на часы Погост. — А на обратном пути, после успешной сдачи экзамена, я угощу вас пивом в вагоне-ресторане. Не возражаете?

— Разумеется.

В вагоне напротив них оказалась миловидная девушка с косой, и Андрей сразу же, как сел, спрятал свои ноги под скамью, а Погост, заметивший это, тоже не стал выставлять свои ботинки, чего так боялся Андрей, но не преминул иронически улыбнуться и подмигнуть Андрею — цени, дескать, ради тебя так делаю.

Общий разговор долго не завязывался. Погост довольно равнодушно глядел в окно, девушка перелистывала какой-то журнал, а Андрей раскрыл газетку, в которую завернул учебники, положил их вначале на столик, чтоб видны были названия (а учебники — вузовские), потом, взяв "Сопромат", открыл заложенную страницу и, делая вид, что читает, бросал иногда взгляды на девушку. На нее вузовские учебники никакого впечатления не произвели, она даже не скользнула по ним взглядом, и Погост опять иронически улыбнулся.

— Бросьте зубрить, Андрюша, — положил он руку на книгу. — Перед смертью не надышишься. Лучше расскажите, как

поживает ваша московская зазноба, что пишет? По-моему, вы недавно получили огромное письмишко.

— Письмо было не от нее, — сухо ответил Андрей, чувствуя, что Погост сейчас начнет "травить", и еще не решив, как на это реагировать.

— Не от нее? — притворно удивился Погост. — Ай, как нехорошо, что не от нее. Как же это так? Мы тут в суровых армейских буднях нещадно закаляем себя, в поте лица учимся защищать Родину, а они там, в Москве, в свете неоновых реклам помаленьку начинают забывать нас, все реже и реже пишут… — Он сокрушенно покачал головой.

— Хватит, Погост, — попросил Андрей.

Но девушку этот разговор заинтересовал гораздо больше, чем выставленные напоказ вузовские учебники, и она взглянула на смущенного Андрея. Погост не унимался.

— Вот видите, девушка, мы тут в суровых армейских буднях, а они там, в Москве…

— …в свете неоновых реклам, — продолжила она, улыбнувшись.

— Вот именно, — рассмеялся Погост.

Улыбнулся и Андрей, хотя разговор этот был ему неприятен.

— Скажите, девушка, неужто вы все такие забывчивые? У вас нет друга, служащего в армии? — спросил Погост.

— Нет. Но если бы был, я писала бы ему часто.

— Вы слышали, Андрюша? Она писала бы часто. А вот ваша…

Андрей резко поднялся и пошел в тамбур, по дороге услышав, как девушка с укором сказала Погосту: "Ну зачем вы так? Может, для него это очень серьезно?"

Погост расхохотался и бросил насмешливо: "Что может быть серьезным в девятнадцать лет?"

От Жени последнее письмо было за месяц до Нового года, Андрей помнил его наизусть: "Я познакомилась (представь — на улице!) с очень занятным человеком. Он много старше нас, ему за тридцать, но очень умный. С ним можно здорово поболтать о литературе и вообще. Я, видимо, произвела на него впечатление, но он для меня интересен только как человек. Понимаешь? Как человек! На Новый год (хотя это еще не скоро) он пригласил меня в ресторан. В "Националь"!!! Я там ни разу не бывала! Спрашиваю у тебя разрешения — можно? Понимаешь, такая тоска. В институте одни девчонки, из ребят только дефективные, которых не взяли в армию. Даже никакой компании не составляется на встречу Нового года. Ну скажи, можно мне пойти? Отец разрешил!"

Конечно, ее отец разрешит все, лишь бы она оторвалась от

него, Андрея, думал он, стоя в тамбуре. Он хорошо помнил тот разговор перед армией. Ее отец позвал Андрея в кабинет (у них была трехкомнатная квартира) и, посадив в кожаное кресло, долго и молча присматривался, а потом начал без церемоний:

— Вы, конечно, понимаете, что против вас лично я не имею ничего, но ваши отношения с Женей одобрить не могу по известным вам обстоятельствам. Поэтому прошу вас, пока вы будете в армии, пока сама судьба, так сказать, разлучает вас надолго, переломить себя и постараться забыть Женю. Так будет лучше… для нее, ну и для вас, наверно.

— Ну а как Женя? — криво усмехнулся Андрей.

— О ней не беспокойтесь. Мы постараемся, чтобы это прошло для нее более или менее безболезненно. Не надо только писать ей из армии. Договорились?

Андрей пожал плечами и, ничего не ответив, вышел из кабинета.

Но Женя первая написала ему в армию, предупредив, чтоб он отвечал ей "до востребования". И переписка шла, хоть и редкая, но вот с того предновогоднего письма ничего от нее не было. И для него все это серьезно, несмотря на девятнадцать лет, только Погосту он об этом никогда не скажет, потому что тот вообще ничего не принимает всерьез, кроме своей оставшейся в КБ незаконченной работы.

Когда, покурив в тамбуре, Андрей вернулся на свое место, Погост встретил его с преувеличенной радостью.

— Наконец-то вернулся наш знаменитый отличник боевой и политической подготовки, а мы-то боялись, что вы от расстройства спрыгнете с поезда! Кстати, Андрюша, нашу очаровательную попутчицу зовут Надюшей. Прошу любить и жаловать. И извольте представиться.

— Шергин… Андрей, — вяло сказал он, еще не отрешившись от обидных воспоминаний.

…Выйдя из кабинета Жениного отца с пылающим, словно от пощечины, лицом, он сразу же столкнулся с ее матерью, которая, видно, зная, какой состоялся разговор в кабинете мужа, подошла к нему.

— Не обращайте внимания, Андрей. Я ваш союзник. Женя будет ждать вас. А мой муж… Вы знаете его положение. Ладно, не будем об этом, — махнула она рукой, а потом, подойдя к Андрею вплотную, тихо добавила: — По-моему, он боится… того же. Понимаете?

— Да, — кивнул он. — Но я больше не буду заходить к вам. И звонить. Пусть Женя сама…

— Конечно, конечно, — поспешно сказала она. — Я скажу ей.

В тот же вечер, только очень поздно, Женя примчалась к нему домой.

— И ты отказался от меня? А меня спросил? — набросилась она на него с порога. — Выходит, я для тебя ничего не значу?!

— Я не отказался… Просто я не смогу к тебе заходить.

— Глупость! Будешь заходить! Я взрослая! И никто, никто не может помешать быть нам вместе. Понимаешь — никто! Хочешь, я останусь сегодня у тебя? — вдруг спросила она, охватив его шею руками. — Хочешь? Я ничего не боюсь! Хочешь? шептала она горячо. — Только не трусь. Я же не боюсь!

— Но мать… Сейчас должна прийти мама… — бормотал он, отстраняясь от прижавшейся к нему Жени.

И неизвестно, что случилось бы, не возвратись его мать из гостей. Но до сих пор не забываются расширенные Женины глаза с безумными искорками, ее полураскрытый рот, сумасшедшие слова, и заходится сердце при мысли, что вот такой же может быть она перед кем-нибудь другим…

— Летом я буду в Москве, — сказала тем временем Надя. — Мы с папой каждое лето ездим. Он у меня коренной москвич, но вот уже десять лет мы на Дальнем Востоке. Он не хочет жить в Москве, говорит, что за два месяца отпуска он берет от нее больше, чем брал за годы, которые жил там. И верно, мы ходим во все театры, во все музеи… Хотите, Андрей, я зайду к вашей девушке и скажу, что нехорошо не писать письма человеку, который…

— …который в суровых армейских буднях, не жалея сил и в поте лица… подхватил Погост, и все рассмеялись.

— К Жене заходить не надо, а вот если бы вы были так добры и зашли к моей матери…

— С удовольствием, — быстро согласилась Надя.

— Мама очень одинока, у нас мало знакомых, и…

— О чем говорить? Зайду обязательно, — прервала его Надя.

— А может, Надюша, — начал Погост с улыбкой, — вы разрешите моему юному другу писать вам? И к чер-р-рту тогда всяких московских девиц, которые там, в свете неоновых реклам…

— Если Андрей этого захочет, пусть… пишет, — немного смутилась она.

— Еще бы ему не захотеть! — расхохотался Погост и хлопнул Андрея по плечу. — Разве не видите, он умирает от счастья.

Тут смутился и Андрей, пробормотав:

— Ну, если вы разрешаете, если можно… я буду писать.

— Ну вот и лады! — воскликнул Погост. — Благодарите старого Погоста, а то вы сами что-то робковаты для столичного

юноши.

Надя заинтересовалась фамилией Погоста, ведь погост — это кладбище, откуда же произошла фамилия? Погост что-то объяснял, а она заявила, что, несмотря на такую фамилию, в нем нет ничего кладбищенского, а наоборот, он очень веселый человек.

Андрей участия в разговоре не принимал, он смотрел на Надю и вдруг поймал себя на желании поцеловать девушку. Она заметила его взгляд, что-то, видно, почувствовала и смущенно замолкла. Андрею стало неудобно, ему показалось, что девушка угадала его желание.

— Я пойду покурю, — поднялся он.

В тамбуре он неспешно курил, растягивая время, почему-то решив, что Надя придет сюда и они тогда поговорят без свидетелей, но она не пришла… А чего это он подумал, что она должна прийти? Ведь был просто легкий треп, начатый Погостом, и, разумеется, в шутку она сказала и о переписке, и о том, что навестит его мать, а он принял все это всерьез, ну не глупо ли? Его предположение подтвердилось, когда, возвращаясь, он услышал веселые голоса и смех Нади: наверно, Погост опять острил насчет него, Андрея. Он нахмурился и сел на свое место.

— Я рассказывал Наде о нашем знаменитом капитане Иванове, — сказал Погост. — Так что не думайте, что мы перемывали ваши косточки, — добавил, улыбнувшись.

Андрей тоже улыбнулся — капитан Иванов стоил рассказа…

…Когда они с Погостом сошли с поезда на платформе "77 км", поразились дикости и пустынности: река, сопки, тишина и безлюдье. Лишь двое лейтенантов слезли тут и направились в сторону моста, а на платформе около кассы стоял какой-то пожилой капитан, которого они и решили спросить, как пройти на путевую точку.

— Разрешите обратиться, товарищ капитан? — вытянулся Андрей.

Капитан повернулся. Был он грузен, плохо затянутый широкий ремень висел на выпирающем животе, лицо обрюзглое. Он недовольно взглянул на них.

— Чего вам?

— Как пройти на путевую точку, товарищ капитан?

— А, понятно. Ко мне, значит. Мостовые мастера?

— Так точно! — гаркнул Андрей, и капитан поморщился.

— Документики, пожалуйста… — просматривая документы, приговаривал капитан. — Ну-с, пойдемте.

Они пошли от платформы к виднеющимся недалеко путевым домикам. Пройдя немного, капитан вдруг спросил:

— Как вы до женского полу? Охочи или не очень?

От неожиданности вопроса смутился не только Андрей, но и Погост недоуменно пожал плечами, пробормотав:

— Что касается меня, товарищ капитан, то я… я, наверно, не очень, как вы выразились, "охоч", поскольку до сих пор холостяк. Ну а этот юноша, — кивнул он на Андрея, — по-моему, еще вообще несмышленыш в таких делах.

— Так-так… — как-то странно улыбаясь, сказал капитан. — Я к тому, что у меня здесь молодая жена… Очень молодая. — Было непонятно, всерьез ли говорит капитан или шутит. — Ну и сами видите, какая тоска здесь зеленая — глушь, безлюдье, пассажирский всего два раза в день проходит… Убиться можно.

Они слушали капитана, не понимая, чего это он разоткровенничался. От простоты душевной или смеется над ними?

— Вас, товарищ… — ткнул он пальцем в грудь Погоста.

— Погост, товарищ капитан…

— Вас, товарищ Погост… Странная какая фамилия-то… Вас я отправлю на семьдесят третий километр, это за рекой. До моста такое расстояние, как и отсюда.

— Есть, товарищ капитан… Я польщен, конечно, так как никогда не думал, что могу представлять опасность… — начал было Погост, но капитан перебил устало:

— На точке нет места для двоих. Поняли?

— Так точно, — ответил Погост.

— Вы завтракали в полку?

— Нет, не успели. Боялись опоздать к поезду.

— Сейчас узнаем у повара, осталось ли что.

Дальше шли молча. Андрей с интересом присматривался к капитану. Какой-то он очень гражданский со своим брюшком, не затянутым ремнем, неспешной, развалистой походкой, со странной откровенностью насчет жены. И очень непохожий на командиров из полковой школы, рубивших приказные слова четко, с металлом в голосе и, конечно, ни в какие душевные разговоры с подчиненными не вступающих.

Точка семьдесят седьмого километра — это обычный путевой домик еще дореволюционной постройки, какие стоят по всем нашим железным дорогам, и еще два домика современные, барачного типа — столовая и красноармейская казарма. К первому они и подошли вместе с капитаном.

— Васек! — крикнул капитан, открывая дверь. — Осталось что от завтрака? Надо покормить двух командиров.

Андрея удивили и обращение к повару по имени, и домашний тон, каким это обращение было сказано, и веселый, не

по-уставному, ответ повара:

— Что-нибудь найдем, товарищ капитан. Накормим.

— Поедите, зайдете ко мне, — бросил капитан, на что Андрей и Погост, вытянувшись, рявкнули разом:

— Есть зайти, товарищ капитан! — да так рявкнули, что капитан прикрыл уши ладонями и поморщился.

— Потише, ребятки. Тут вам не полковая школа. Да, видать, здесь, на точке, не очень-то придерживались устава и воинской формалистики.

— Ну, как тебе капитан? — спросил Погост, рубая кашу с мясной подливкой. Занятный мужик. И, несмотря на простоту, по-моему, вполне интеллигентен. Возможно, из бывших офицеров.

И верно, вскоре рассказал им помкомвзвода Сашка Новиков, что капитан их был штабс-капитаном в империалистическую, а в гражданскую командовал полком, имеет орден Красного Знамени, но был демобилизован и только в тридцатых призван из запаса, но звание ему дали небольшое, да и должностью обошли. Действительно, командовать ротой, да еще путейской, после полка вроде обидно, но хлопочет капитан давно о переводе в стрелковую часть на большую должность.

Жену капитана Андрей увидал на второй день. Не показалась она ему уж очень молодой, была худенькая, бледненькая, с какими-то испуганными глазами и совсем не красавица. Но капитан всегда провожал ее на платформу, в кассу, где она продавала билеты перед пассажирскими поездами, и, пока она там находилась, прогуливался по платформе, зорко следя за окошечком, и как только какой-нибудь лейтенантик задерживался у кассы, направлял свои тяжелые шаги к ней.

…Узнав из рассказа Погоста о капитане Иванове, где они служат, Надя сказала, что это же совсем близко от их города и что письма будут идти два-три дня, не то что в Москву и из Москвы — чуть ли не две недели.

— Значит, вы серьезно о переписке? — спросил Андрей.

— Разуеется.

— Я думал, пошутили, — с облегчением вымолвил Андрей, и ему подумалось, что Надя, видимо, очень простая и хорошая девушка, без вывертов, и будет очень здорово переписываться с нею.

Он глянул на ее милое, уже загорелое личико, на русую косу, переброшенную через плечо вперед, и нежность к этой девушке охватила его, и опять ему захотелось поцеловать ее.

— Надеюсь, наш знаменитый капитан Иванов будет отпускать нас в город, и тогда, вьюноша… — Погост многозначительно замолк.

— Мы, кстати, живем недалеко от вокзала, — заметила Надя.

— Вы слышите, Андрюша? Недалеко от вокзала! А значит, у вас впереди потрясающие перспективы, и пусть они там, в Москве, в свете неоновых реклам… — махнул Погост рукой и опять засмеялся.

— Не много ли "неоновых реклам", Погост? — усмехнулся Андрей.

— Вы правы — перебор, — добродушно согласился тот и перевел разговор на другое.

Так сидели они и болтали про разные разности: и о Москве, и об их "припухаловке" на точке семьдесят седьмого километра… Андрей похвастался, что он залезает на верхний пояс фермы моста и оттуда в хорошую погоду любуется городом, где живет Надя. Она же говорила, что их город очень красив и довольно старинный, что очень широк и могуч Амур, на котором стоит город, но в бинокль можно хорошо рассмотреть маньчжурский поселок на том берегу и что в недалеком прошлом маньчжуры и корейцы переплывали на своих лодочках в рыночные дни и торговали в городе…

Когда Андрей опять собрался на перекур, Надя тоже поднялась:

— Жарко очень… Пойду с вами на площадку.

Андрей открыл в тамбуре дверь. Напором воздуха взвило Надину косу, затрепыхалась кофточка, вспорхнула юбка, приоткрыв колени. Поначалу они ничего не говорили, но после того, как Андрей закрыл дверь, Надя спросила:

— Вы давно в армии?

— Меньше года… Но Москва и прошлая жизнь ушли куда-то далеко, словно и не существовали.

— Ну, не может этого быть.

— Может. В полковой школе мы были как заведенные, только двадцать минут в день — личное время, а так с подъема до отбоя без передыха. Некогда даже о чем-нибудь подумать. Но мне повезло, что попал в техническую часть.

— Так вот почему у вас вузовские учебники!

— Заметили все-таки. У меня вообще были планы за годы армии пройти самому первый курс института, но, видимо, не получится. Может быть, вот за второй год…

— А в каком вы институте?

— В МИИТе… Я знал, что призовут в армию, но все же сдавал экзамены, хотя… — он задумался, — хотя не знаю, придется ли заниматься.

— А почему?

— Так… По разным обстоятельствам. — Он затянулся в

последний раз и выбросил папироску. — Да, мы совсем одичали за зиму. Только раз отпустили в увольнение. И сейчас мне как-то странно, что я вне строя, еду в пассажирском, разговариваю с вами… Только вот… неудобно. — Андрей коснулся рукой своей остриженной головы и показал на обмотки: — Никак не привыкну.

— Ерунда какая, — улыбнулась Надя. — Неужели вас это смущает?

— Убивает, — вздохнул он. — Я просил мать прислать мне сапоги. Возможно, скоро получу посылку…

— Не убивайтесь, — продолжала она улыбаться. — Умные люди на такие мелочи внимания не обращают.

— Значит, и вы?…

— Значит, и я.

У Андрея отлегло от сердца, хотя он все же не представлял, что может кому-то понравиться в этих уродливых обмотках. Он опять решил хвастнуть и сказал, что уже купался.

— Вода, наверно, ужас какая холодная?

— Нормальная… Только очень сильное течение, против не проплывешь. Немного ниже нашей точки есть небольшой остров. Так когда я к нему плавал, меня чуть не пронесло мимо. А остров совсем первобытный, было очень интересно бродить по нему. Даже казалось, что вдруг появятся какие-нибудь доисторические чудовища…

Вспыхнувшее в вагоне желание поцеловать Надю сейчас, когда они оказались одни в тамбуре, куда-то ушло. Ему было просто необыкновенно хорошо стоять вместе с ней, говорить… Он начал рассказывать ей об одном вечере, который не уходил из памяти. Капитан Иванов пригласил его и помкомвзвода Сашку Новикова (тоже москвича) к себе, угостил трубочным табаком, который курил сам, и после нескольких офицерских анекдотов времен первой мировой, рассказанных капитаном, и ничего не значащих разговоров он вдруг нахмурился и очень серьезно, без обычного для него двусмыслия, спросил, а не кажется ли им, что в этом году придется и повоевать. Им пак не казалось. Тогда капитан вздохнул: "Нет, ребятки, чует мое сердце — придется. Потому и не гоняю вас, отдыхайте пока, набирайтесь силенок. Война тяжкая будет. Начнут немцы, конечно, но и япошки могут тут зашевелиться".

— Неужели она все же будет? — спросила Надя.

— Не знаю. Сейчас, днем, когда солнышко светит, в это как-то не верится, а вот ночами иногда задумываешься.

— Вы боитесь войны? — спросила Надя, потом засмеялась. — Чего я спрашиваю: разве мужчина признается в этом? А вот я

боюсь и не хочу ее, и мне в этом не стыдно признаться, я ведь женщина.

— Наверно, я не боюсь ее, — серьезно сказал Андрей, так серьезно, что она сразу же убрала улыбку. — И я не рисуюсь. Понимаете ли, я пока не могу рассказать вам о себе все, скажу только, что после войны должно что-то измениться. Я так думаю.

— Что изменится?

— Ну, не знаю конкретно, но что-то должно.

— А возможная смерть на войне? Ее вы тоже не боитесь?

— Смерть? Конечно, боюсь, — улыбнулся он, — но реально пока не могу ее представить.

Они помолчали немного, потом Надя спросила, нравится ли ему Дальний Восток.

— Нравится. Только он действительно очень дальний. Чувствуешь такую оторванность от дома, какой никогда не ощущал. У нас на точке очень красиво река, сопки, дали…

— Да, такие просторы… Вот я не смогла бы жить в большом городе… в свете неоновых реклам…

— А я урбанист. Большой город очень хорош, особенно вечерами. Я бывал в Ленинграде, он красивее Москвы и как-то историчней, хотя Москва и много старше Питера. Но вот бредешь по Невскому и невольно думаешь: тут ходили Пушкин, Гоголь, Достоевский, Блок, Есенин… Города полны прошлым, историей. По Ленинграду я бродил даже ночами, и мне казалось, что вдруг в одну из белых ночей я встречу… ну, Раскольникова, к примеру…

— Как интересно! — воскликнула она. — Вы, наверно, большой фантазер?

— Нет, я скорее чересчур рассудочен, но Питер, белые ночи… поневоле начинаешь фантазировать. Просто нельзя не фантазировать. Понимаете?

— Понимаю. Мой отец, несмотря на то что инженер-путеец, — страшный фантазер и выдумщик.

— А где он кончал институт, не в Москве?

— В Москве.

— Не знаете, в каком году?

— Кажется, в двадцатом.

— А мой в восемнадцатом! Возможно, наши отцы были знакомы! Вот здорово!

— Вы напомните мне фамилию, я спрошу у папы. В общем, когда получите увольнение, заходите прямо к нам. Хорошо?

— Спасибо большое, Надя. Конечно, зайду, лишь бы отпустили. Вы знаете, как здорово, что мы познакомились. Мне теперь не будет так одиноко на этом дальнем-предальнем

Востоке, — горячо и искренне сказал Андрей. — Вы даже не представляете, что значит после казармы побыть в семейном доме, посидеть в домашней обстановке. Мы все так соскучились по своим домам.

— Я понимаю.

От избытка чувств Андрей непроизвольно дотронулся до Надиной руки, и она не отняла ее. Тогда он слегка сжал ей пальцы. Так и стояли они, держась за руки, на продуваемой ветром вагонной площадке, пока Погост не прервал их уединения.

— Вы живы, ребятки?

— Живы, — улыбнулась Надя.

— Очень хорошо, что живы. Я исчезаю, — сказал Погост и исчез.

Андрей опять сжал ей пальцы, и у него вырвалось:

— Мне очень хорошо с вами!

— Мне тоже, — просто сказала она и тоже пожала ему руку.

Стучали вагоны, мимо проплывали не очень-то живописные места, однообразная равнина, только слева по ходу поезда где-то очень далеко синели сопки… И мелькали километровые столбы, неумолимо приближая конец дороги, а тем самым и конец их встречи. Андрею не хотелось об этом думать, ему хотелось, чтоб эта поездка никогда не кончалась, чтоб этот городишко Свободный был где-нибудь за тридевять земель.

— Надя, а если меня почему-либо не будут отпускать в увольнение, вы сможете сами приехать к нам на точку?

— Конечно, смогу. Только как добраться назад? Ведь следующий поезд только утром следующего дня.

— Мы сможем дойти до ближайшего разъезда, а там я посажу вас на товарный.

— Это идея!

— Только нам надо будет списаться, чтоб вы не приехали в день моего дежурства. На мост-то вас не пустят, там охрана… — Он помолчал немного. Лишь бы не случилось… непредвиденное.

— А что может случиться?

— Мало ли что. Вдруг война?

— Не верю я ни в какую войну. Вы же читали сообщение ТАСС.

— Читал. Но наш капитан только пожал плечами на это.

— Ну его, вашего капитана! — тряхнула она головой. — Не будем об этом.

И верно, зачем думать о плохом в этот удивительный для него день? Он будет переписываться с этой милой девушкой, а может, и встречаться. И он стал говорить, что обязательно свезет

ее на лодке на тот необитаемый остров, о котором рассказывал, что они будут бродить там, как первые люди на земле, и еще о чем-то говорил он, а поезд тем временем уже приближался к станции, уже раздался протяжный гудок паровоза перед входным семафором, уже поредел стук колес и послышалось шипение тормозов.

— Мы приехали, молодые люди, — сказал вошедший в тамбур Погост и сунул Андрею завернутые в газетку учебники. Вам дальше, Надя?

— Дальше, — упавшим голосом ответила она и сжала руку Андрея.

— Ваш адрес, Надя, — вспомнил Андрей главное и вытащил карандаш…

Поезд остановился. Еще несколько минут они стояли молча, глядя друг на друга, пока Погост не подтолкнул Андрея.

— Пора, юноша.

Они спрыгнули с подножки… Андрей мучительно думал, что чего-то он не сказал этой девушке, и лишь тогда, когда дрогнул вагон, лязгнули буфера и поезд тронулся, он крикнул:

— Если нам не удастся свидеться, я все равно буду помнить вас!

— Я тоже! — И она стала махать рукой.

Еще немного они постояли на перроне, глядя вслед поезду.

— Это тоже невероятно серьезно? — усмехнулся Погост.

— Очень, — ответил Андрей.

— Что ж, завидую вашим девятнадцати годкам… Кстати, стояние в тамбуре с очаровательной девушкой не выветрило у вас из головы правила технической эксплуатации и инструкции по сигнализации?

— Вроде нет, — улыбнулся Андрей.

— Ну, потопали тогда в это знаменитое управление. Надо еще поспрошать, где оно находится.

Свободный оказался малоинтересным городишкой, серым и невзрачным, пыльным и грязным. Даже в центре, где находилось управление железной дороги, стояли убогие деревянные домишки. Пока шли по городку, Андрей, полный впечатлений от неожиданного знакомства в вагоне, совсем не думал о предстоящем экзамене. Он рисовал себе будущие встречи с Надей и переписку, а Погост не отвлекал его разговорами, предоставляя ему возможность помечтать. Только у самого здания управления Андрей очнулся, и знакомый холодок, ощущаемый всегда перед экзаменами, прошелся в груди.

Но экзамен оказался смехотворно легким. Андрей знал гораздо больше того, что требовалось, экзаменаторы

одобрительно улыбались. Вообще этот экзамен, проводимый гражданскими людьми, на время вернул его в доармейскую прошлую жизнь, и ему как-то стало спокойно — пролетит скоро год армии, а там Москва, институт, и начнется настоящая, нормальная жизнь.

Погост после экзамена остался в управлении для получения каких-то указаний, а Андрей вышел на улочки Свободного в приподнятом настроении, удовлетворенный блестяще сданным экзаменом. С Погостом они договорились встретиться на вокзале.

Он шел по неказистым, почти деревенским улочкам, глубоко вдыхая воздух, с удовольствием ощущая пружинистость своих шагов, силу молодого натренированного тела, и ему даже захотелось пробежаться. Не смущали его теперь ни нелепые обмотки, ни грубые ботинки на ногах, ведь даже в них он, видимо, немного понравился Наде, не стала бы она торчать в тамбуре, если бы он был ей неинтересен.

С главной улицы, идущей к станции, он свернул и шел сейчас, что-то насвистывая, по каким-то пыльным, немощеным переулкам, мимо одноэтажных домишек. Станция была где-то недалеко — доносились гудки паровозов и свистки маневровых кондукторов. Ему нужно было свернуть налево, и Андрей искал глазами какой-то проезд или прогон, ведущий к железной дороге. Вскоре такой проулок показался, он свернул в него, прошел немного и тут…

Поначалу он ничего не мог понять — перед ним расстилалось что-то серое… Именно расстилалось, потому как люди — а это были люди! — стояли на коленях, спиной к нему, а лицами к длинному товарному составу. И, кинув взгляд по сторонам, он еле достал концы этого огромного прямоугольника, распластавшегося неподвижно перед вагонами… Потом на него резко пахнуло запахом нечистого человеческого тела, каким-то особым запахом проволглых непросыхаемых телогреек, грязных портянок и еще чем-то, чем всегда пахнет сбитое вместе большое число людей, грязных и голодных…

Андрея шатнуло… Он отступил к забору, чтоб не заметили его конвойные. В глазах поплыло, и он не понимал, действительно ли двинулась эта серая масса или колеблется все в его глазах. Откуда-то, словно издалека, послышалась команда, и распластанный на земле серый огромный прямоугольник зашевелился и двинулся к вагонам… Взвилась пыль, поднятая елозящими коленями, и зависла над людьми серым маревом, сделав все вокруг призрачным, расплывчатым, словно в кошмарном сне. Это движение на коленях было противоестественно, а потому и страшно…

Опять раздался звук команды, и прямоугольник замер… Первые ряды уже подтянулись вплотную к вагонам, зияющим черными дырами раскрытых дверей. Потом — еще команда, и у каждой двери поднялось с колен по одному человеку. А остальные опять поползли на коленях, придвигаясь к составу.

У Андрея померкло в глазах. Он зажал рот рукой, чтоб не вырвалось стона или крика, и стоял, не в силах отвести взгляда от этой массы покрытых пылью людей… Да нет, не людей, а какого-то неведомого существа… чудовища… "Чудище обло, озорно, огромно…" — всплыли почему-то строки радищевского эпиграфа.

Господи… отец… Неужели и он вот так… на коленях? Его отец — и на коленях! И Андрей еще сильнее прижал руку ко рту, еле удержав стон.

— Проходи, проходи отсюдова, неча тут смотреть, — донесся до него чей-то голос.

Он поднял голову. К нему подходил один из конвойных, молодой парень с рябоватым лицом.

— Проходи, — повторил тот.

— А почему… почему на коленях? — спросил Андрей пересохшими губами.

— Не понимаешь, что ли? Чтоб не разбежались гады. Ну, мотай, мотай, почти дружелюбно сказал конвойный и потопал обратно.

Андрей прошелся последним взглядом по грязным бушлатам, по стриженым затылкам, по серым зимним шапкам и тронулся, еле передвигая ватными непослушными ногами. Его шатало, и через несколько десятков шагов он остановился, прислонясь к ограде палисадника какого-то дома. Его замутило, и он пригнулся, стараясь унять тошноту.

Редкие прохожие кто удивленно, а кто и с осуждением оглядывали Андрея, скрюченного, побелевшего, все так же держащего руку у рта. Некоторые думали, наверно, что пьяный. Дрожащими пальцами вытащил он папиросу, но прижечь не мог, ломались спички, он бросил ее и еще сильнее вжался в ограду.

— Плохо тебе, милок? — остановилась около него пожилая женщина в платке.

— Не-ет, н-и-ч-е-го… — еле выговорил он дрожащими губами.

— Зайдем ко мне, напиться дам? Ну пойдем, пойдем, — взяла она его за рукав гимнастерки, когда Андрей отрицательно мотнул головой. — Худо тебе, сынок, вижу я. Лица же нет, побелел весь.

Они зашли в дом, Андрей тяжело опустился на стул. Женщина налила ему кружку, он жадно выпил воды, потом вынул папиросы.

— Кури, кури, — поспешно сказала она в ответ на его вопросительный взгляд.

Андрей сильно затянулся, потом еще, еще, но глубокие затяжки не помогали прийти в себя. И вдруг женщина спросила:

— Кто у тебя… там, сынок? — и показала рукой в сторону станции.

Он вздрогнул от неожиданности вопроса и ничего не ответил, тогда она продолжала:

— Видала я, как стоял ты там, возле путей, ну и догадалась. По первому разу глядеть на такое страшно… А мы-то навидались. Часто их по нашей улице гонят. Так кто? Отец, наверно?

Андрей кивнул.

— Вот оно как, — вздохнула она и сокрушенно покачала головой. Немного погодя тихо спросила: — Как воевать-то будешь, сынок, ежели война начнется?

Он поднял голову. О чем это она? Он не понимал связи между тем, что увидел, и словами женщины. Он нахмурился, стараясь вникнуть, но ему было не до этого, перед глазами стояло увиденное.

— Да чего я, может, даст бог, и не будет войны, — перекрестилась она и предложила еще воды.

— Спасибо, пойду я… — поднялся Андрей.

Пошатываясь, добрался он до станции, но в помещение вокзала, где договорились встретиться с Погостом, заходить не стал — ему было не до него, да и вообще ни до кого. А Погост дождется пассажирского, на котором они должны были возвращаться, и доедет один. Андрей пошел на станционные пути, отыскал среди составов товарняк, идущий на восток, забрался на тормозную площадку одного из вагонов, сел на скамейку, и только тут прорвался у него так долго сдерживаемый стон.

Вскоре поезд тронулся. Застучали на стыках вагоны, изредка резал ухо протяжный и тоскливый гудок паровоза. Андрей сидел скрючившись, обхватив голову руками такого отчаяния и безнадежности он не испытывал никогда. Даже при аресте отца. "Отец — на коленях, отец на коленях…" стучало в голове, и, казалось, то же самое выстукивали вагонные колеса…

Об отце он думал постоянно. Так же постоянна была и боль, но до увиденного сегодня он не представлял, да и не мог представить всего ужаса и кошмара совершившегося с отцом… Ведь о лагерях он, как и все другие, знал только из фильма "Заключенные", где лагерные бараки выглядели чуть ли не живописно, где перековавшиеся инженеры-вредители были хорошо одеты, при галстуках и с серебряными портсигарами, где

неотразимый урка Костя-капитан распивал водку, а романтичная воровка Сонька пела под гитару сердцещипательную песенку "Перебиты-поломаны крылья, тихой болью всю душу свело, кокаина серебряной пылью все дороги мои замело…". Где лагерные начальники были умны и обаятельны… Ничего, ничего страшного не было в этом фильме. И Андрей думал, что и его отец, конечно, работает по специальности, руководит какой-нибудь лагерной стройкой или проектирует, как и те инженеры из фильма. Тем более что в своих нечастых письмах он писал, что все хорошо и что ему ничего не нужно.

И вот это "хорошо"… И опять всплыл перед глазами серый шевелящийся в пыли огромный прямоугольник из тысячи людей на коленях…

И он, Андрей, молодой, сильный, совершенно бессилен что-либо изменить, помочь. Он даже не знает, кто виноват во всем этом и для чего все это. Он ведь уверен, что нет никакой вины у отца, но тогда что же это такое?

На правой стороне дороги показались вышки, и вскоре поезд проскочил мимо серых бараков, обнесенных проволокой. И тут Андрей вспомнил слова женщины: "Как воевать-то будешь, сынок?" Да, а как же я буду воевать, повторил он про себя. Как воевать?…

А до войны оставалось всего девять дней…

1981